

АБИЛХАЯТ – ЖИВАЯ ВОДА

КАК РОДИЛСЯ «РЕКВИЕМ»?

На Высших курсах Литературного института имени М. Горького в Москве, где шесть месяцев учился Мукагали-ага, спустя десять лет довелось и мне два года проучиться с Рамазаном-ага Токтаровым. Прослушав несколько лекций куратора – известного русского поэта Александра Межирова, я понял, как родился «Моцарт. Жан азасы» Мукагали Макатаева. Глубоко уважаемый российскими поэтами Межиров, к которому обращались не иначе как мэтр, несколько занятий подряд посвятил «Моцарту и Сальери» А. С. Пушкина. В начале цикла он предлагал послушать грампластинку с текстами спектакля. Затем мы слушали арии из одноименной оперы. Мэтр делал подробный разбор, глубокий анализ каждого слова, каждой строчки. Под конец изучения темы он пригласил знаменитого театрального актера, который очень выразительно прочёл поэму.

Моцарт: Так слушай.
Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего – не знаю.
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черное,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать – и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

Сальери: Что?

Моцарт: Мне совестно признаться в этом...

Сальери: В чем же?

Моцарт: Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третий сидит.

Из этого отрывка ясно видно, что небольшая по объему трагедия Пушкина послужила толчком как к созданию Мукагали «Реквиема», так и к написанию Сергеем Есениным поэмы «Черный человек».

Также на одном из занятий мы разбирали особенности «Песни сирот», «Песни вдов», «Песни слепых», «Песни попрошаек», «Песни прокаженных» из поэмы «Голоса» австрийского (немецкого) поэта Райнера Мария Рильке. На Мукагали Макатаева произвели сильное впечатление названные произведения Пушкина и Рильке.

Эти великолепные произведения я читал и слушал. И тоже был сильно впечатлен ими, однако глубоко таинственного произведения, подобного «Реквиему» Мукана, не вышло из-под моего пера.

В нашем учебном корпусе, что на Тверском бульваре, стоял большой черный диван. Заведующая учебной частью Вера Аверьяновна Малюкова говорила: «Это – казахстанский диван». Позже я узнал, почему.

Однажды во время перерыва Александр Межиров поведаль: «Я слышал, на этом диване иногда спал один из наших слушателей – казахский поэт Мукагали Макатаев. Говорили, что он выпивает. Однако ни разу не видел его выпившим на моих занятиях. Он обладал мощным талантом. Почему его не уберегли?» – спросил мэтр.

Это был вопрос не только мне, в целом нашей нации, нашему обществу и государству.

«ЗЯТЬ»

Мы преспокойно пили пиво и читали стихи в кафе «Гульдер», называемом студентами «Гармошкой», что между КазГУ и гостиницей «Алматы», когда туда зашел Мукагали-ага. Серик Байхонов, старший из нас и более шустрый, оказывается, был с ним хорошо знаком. Он представил нас.

– Если поэт, то пусть прочтет стихи, – сказал Мукан.

– В сумерках буря в долине... – я начал медленно читать.

Он, слегка нахмурившись:

– Почитай еще!

Еще несколько стихов пробарабанил я. Мукагали-ага не стал скрывать своего одобрения и добрых чувств.

– Многие приходят ко мне за напутственным словом к своим сочинениям. Я же написал предисловие только Несипбеку Айтову, больше никому. Он тоже талантлив. А почему не тебе? Давай-ка со своими творческими пожеланиями напишу предисловие к твоей книге, – предложил Мукагали.

– Улугбеку не нужно напутствие, Кадыр Мырзалиев уже подготовил, – заявил мой «агент» Серик Байхонов.

– Э, Кадыр вновь опередил меня! – сказал Мукан. – ...Ты кем доводишься поэту Есдаулету Кандекову? Случаем, не сын его? – спросил.

Я знал, что есть такой старый поэт, видел даже его фото: в очках, с реденькой остроконечной бородкой. Пока я собирался с ответом, быстрый на язык Серик Байхонов ответил за меня:

– Да, точно. Улугбек – сын того Есдаулета, – объявил мой приятель.

Мне оставалось только промолчать.

– Прочти еще раз первое стихотворение, – попросил Мукагали.

Прочитал повторно. Замечаю, он как бы впечатлен.

– Не помню наизусть свои новые стихи. В них, в моей черной тетради, как раз-таки есть ответы на вопросы, что присутствуют в твоих стихах. Пойдемте ко мне домой, почитаю вам стихи, – сказал мэтр.

– Пойдем! – поддержал его Байхонов.

Чтобы не идти с пустыми руками, по пути купили несколько бутылок вина.

...Только открыли шторы, как ослепительный свет залил полутемную комнату.

– Это мой письменный стол, а это мой Абай, – пояснил Мукагали, когда вошли в комнату. На столе стоял гипсовый бюст великого поэта. – Ни у кого из наших так называемых «абаеведов» нет дома такого. Только у меня есть такой Абай! Посмотрите! Если я иногда прихожу домой подшофе, он не смотрит на меня, а когда нормально возвращаюсь, то он приветлив. И если я в приподнятом настроении сажусь писать, то Абай-ата начинает диктовать. То, что я написал – не мои стихи, а все это Абаевская диктовка, – сказал Мукагали.

Когда мы все разглядывали бюст, Мукан взял меня под локоть и повел на кухню к жене:

– Лашын, сунюши, нашел твоего родственника и привел к нам! Вот – Улугбек, сын твоего деда Есдаулета, весь в своих предков – сильный поэт, – убедительно произнес он.

Услышав такое, Лашын-женгей бросилась меня обнимать и причитать:

– Дорогой мой, наши живы-здоровы? Оказывается, еще остались родственники, которые не забыли обо мне! Образ жизни вашего зятя известен всем, пока растила и воспитывала его детей, пыталась приноровиться к его характеру, отдалилась от своей родни. Как там, все ли хорошо в нашей округе? – прослезилась она. Стала перечислять имена своих близких и дальних родственников.

От неожиданного поворота я потерял дар речи. Не зная, что говорить, то киваю, то качаю головой, что-то бормочу под нос.

Мукагали, заметив мою растерянность, быстро увел к нашему «косяку».

Я спросил:

– Мукагали-ага, кто такой этот Есдаулет, о котором вы говорите?

– Тебе неизвестно имя поэта Есдаулета Кандекова? Ты разве не его сын?

– Да нет... Все это из-за Серика Байхонова. Я родился в Зайсане, своего деда Есдаулета не видел, но он никакого отношения к вашему Кандекову не имеет.

– Ей, баловник, я твоего отца спутал с каскеленским Есдаулетом. Да, такое случается. Ничего страшного. Неважно от кого родился, главное – ты поэт.

– У нас с ним ничего общего. Перед Лашын-женгей неловко. Давайте вернусь к ней, расскажу обо всем как есть, – я было направился на кухню, но Мухан остановил:

– Что случилось, то случилось. Ты теперь не суетись. Я заметил, что в казане варится казы-карта, в холодильнике появился многозвездочный коньяк. Все это в честь тебя – «братишки» Лашын. Отныне ты мне – шурин, а я тебе – зять. Наше родство нужно обмыть. Поступи по-иному, что мы выиграем? Если скажешь всю правду, то Лашын рассердится, даже не успеет понюхать коньяк, как выгонит тебя из дому. И меня вслед за вами. Поэтому теперь молчи, – повелел Мукагали.

Это было время, когда я еще не умел врать. Огорченный случившимся, некоторое время просидел молча, затем винные градусы подняли градусы моего настроения. Так незаметно я вошел в роль «шурина». Тотчас с новоявленным «зятьком», как и положено по казахскому этикету, установились шутливо-дружеские отношения. Дело дошло до того, что я вырвал из рук маститого поэта его черный блокнот и сказал:

– Не умеешь читать стихи, не так, а вот как надо читать!

– Эй, смотри, мой шурин какой проказник! – задыхался со смеху Муқан.

Позже я узнал, что он работал на радио диктором – признанный мастер художественного чтения. Откуда мне это было знать?!

«КРЕЩЕННЫЕ КАЗАХИ»

Аскар Сулейменов, войдя в наш дом, тут же шел к книжной полке. Выбрав нужную книгу, говорил: «Я должен прочесть» – и забирал ее собой. Однако иногда забывал вернуть взятую книгу. Обучаясь два года в Москве, я приобрел недоступные многим редкие фолианты в «Книжном магазине писателей», что на Кузнецком мосту. Некоторые из них навсегда остались на полках Асеке. Когда я просил вернуть, часть из них он возвращал, но особо понравившиеся, под предлогом, что еще не прочёл до конца, оставлял у себя. Так, у меня от многотомника М. Ауэзова остались, как говорится, рожки да ножки. В жизни, пожалуй, только одну книгу он вернул быстро. Это «Казахские названия животных», при этом слово «мал» (животное) было вычеркнуто им. На обложке черными чернилами он написал слово «эбітай» вместо «мал». Изменив название книги на «Қазақтың эбітай атаулары», он приглушенным голосом сказал: «Прекрасная книга. Теперь покажи ее Иранбеку Абиатаевичу». У него отношения с общим нашим соседом, поэтом Иранбеком Оразбаевым (Иран-Гайып), были шутливо-прикольными. К нему Асеке обращался как к жиену (племяннику), поскольку его мать была из династии кожа.

При их шутливой пикировке я в большинстве случаев оказывался на стороне Иранбека. А Аскар-ага надо мной особо не подшучивал. Видимо, жалел, боясь, что отдельные его словесные остроты могут обидеть меня. Однажды во время преферанса Асекен сильно поддел Иранбека, и тот, хотя и отчаянно отбивался, но был вынужден просить поддержку. Я перед этим только что вернулся из Монголии. Проездом был на Горном Алтае в местечке Усть-Кан. Там повстречался с крещеными казахами. До этого в Косагаше слышал о том, что в Сибири в поселке Усть-Кан живут наши соотечественники, исповедующие христианство. О них, а также о других не совсем приятных фактах я завел речь.

– Асеке, я побывал в местечке Усть-Кан, что на Горном Алтае. Встретился с тамошними крещеными казахами. Их предков, оказывается, крестили насильно.

Окунув их головой в воду, топили, душили. Под угрозой смерти они перешли в другую веру. Во время Великой Отечественной войны из них вышло несколько Героев Советского Союза. Поскольку у них фамилии были русские, их не считали казахами. Зашел к ним домой – в одном углу висит икона. Пытаясь сохранить традиции двух народов, они преподносят гостю голову животного. Так, перед нами выложили свиную голову, при этом напомнили казахскую поговорку: «Никто не выше пищи». Мы, не прикоснувшись к такому угощению быстро ушли. Оказывается, мы попали не в простой дом, а в дом влиятельного попа. Когда я спросил: «Кто вы?» – они ответили: «Мы – кожа». Где бы ни было, а представители клана кожа возглавляют духовенство, – сказал я, перемешав правду и вымысел.

– Говоришь, крещеные кожа? Эй, неужели крестились кожа? От них можно ожидать всего. Да, интересно, однако... – злорадствовал довольный Иранбек.

Аскар-ага сидел несколько минут, сосредоточенно нахмурившись.

– Это правда? – спросил он затем, строго глядя мне в глаза, бурывая острым взглядом.

– Правда, – ответил я, глазом не моргнув.

– Не кожа они, керей или найманы. Вера у них несторианская?

– Сами сказали, что кожа, – сослался я на крещеных с легким сомнением в голосе.

Асеке, не зная, верить или не верить сказанному мной, привстал с места.

– Сейчас вернусь, – сказал он и вышел.

Мы с Иранбеком праздновали победу, довольные тем, что вывели Аскара из равновесия.

– Это правда? – спросил Иранбек.

– Вранье, – ответил я.

– А тогда откуда все это взял?

– Давно не могу забыть словосочетание «крещеные казахи». К тому же в прошлом году с Музага ездил в Зайсан, на Маркаколь. Тогда профессор Турсынбек-ага Какишев несколько раз повторял: «Говорили, что на Алтае есть крещеные казахи. Хочу их разыскать». Это вызвало у меня раздражение.

– Нашел их?

– Откуда?! Он спросил у местного аксакала: «В этом округе, оказывается, живут крещеные казахи. Вы знаете таких?» На что тот отрезал: «Кроме тебя не вижу других крещеных казахов».

Аскар быстро вернулся, держа в руках вырезанную фотографию.

– Лица твоих крещеных казахов похожи на него? – спросил он и бросил мне фотографию.

Гляжу: поп держит в руке свечу. По внешности не разберешь, то ли кореец, то ли японец, то ли якут, то ли алтайский ойрат. На груди его висит внушительных размеров крест. Самое странное, кто бы он ни был, как две капли воды похож на меня. Будто мой клон, или я – его клон. Правда, его челка подрезана чуточку косовато, да на нем черная ряса.

– И это кожа? – спросил Асеке.

– За долгие годы жизни в Сибири, наверное, и они внешне изменились, – ляпнул я.

Асекен усмехнулся. Мы с Иранбеком опять проиграли.

«ИРТЫШ ВПАДАЕТ В ОКЕАН»

В школьные годы мне случайно попался внушительный фолиант. Название романа – «Иртыш впадает в океан» – показалось мне очень удачным. Ведь эта река протекала неподалеку от нашего аула. В тот день, развернув большую географическую карту, удостоверился: наша река, обозначенная синей линией, изгибаясь и выпрямляясь, несет свои светлые воды в Северный Ледовитый океан. Я был в восторге. Для меня это было как открытие Америки. Только не понял одного: почему наш Иртыш по ходу своего течения вдруг становится Обью.

Ту книгу прочитал с удовольствием, с тех пор и запомнилось мне имя ее автора. И когда спустя несколько дней нашел книгу того же Рамазана Токтарова «Герістік шұғылысы» («Северный луч»), я сильно обрадовался, словно нашел клад. В ней писатель добротным языком, очень увлекательно описал свое путешествие, предпринятое с единственной целью – собственными глазами увидеть то устье, где светлые воды родной реки впадают в Ледовитый океан.

Иртыш, взяв свой разбег в Китае, огибает наш аул Большой Каратал, находящийся в пятнадцати-двадцати километрах от ее берега, затем впадает в Зайсан. До этого озера он называется Черным Иртышом. Вытекающую из Зайсана реку с незапамятных времен нарекли Белым Иртышом. Течение в ней сильное, не уследишь за волной – опрокинется лодка. И когда я вместе с взрослыми ездил на Иртыш, то всегда ломал голову, думая, за какое время эти пенящиеся волны буйной реки могут достигнуть берега океана, находящегося за тысячи километров. Помню, закинув веточку в воду, представлял, как она плывет к океану и где предположительно может быть на данный момент.

Позже, когда видел и слышал Рамазана Токтарова, об этих своих детских впечатлениях ему так и не рассказал.

В свое время Мукагали Макатаев представил его нам: «Мой друг Рамзай». Ни тогда, ни позже не думал, что с писателем, о котором знал еще в младших классах, доведется учиться на одном курсе, да еще в Москве.

МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Среди сорока писателей, обучавшихся на Высших курсах Литературного института имени М. Горького, двое были из Монголии. Старый профессор Иштутин, бывший наставник М. Горбачева по политической экономике, старался с первых занятий поближе познакомиться со всеми нами. В журнальном списке напротив фамилии каждого слушателя было указано, из какой он республики и его национальность. Увидев прибывших из разных регионов пятерых татар, двух казахов, кыргыза, узбека, карачаевца, балкарца плюс двух монголов, Иштутин, покачив головой, произнес:

– Да, в этом году Литературный институт попал под монголо-татарское нашествие!

И по характеру, и по творческому потенциалу два монгола разительно отличались друг от друга. Постоянно паясничавший с улыбкой шута худосочный Юмсурен был комсомольско-партийным активистом, однако его беззвукные

сочинения напоминали нам недосоленный бараний тощак. Густо-черный, как казанный прихват, Пурэвсурен, хотя и пил не просыхая, вскоре убедил нас, что он на самом деле весьма даровитый литератор.

Однажды в полночь в общежитии я увидел, как сильно обижен на наше Советское правительство Пурэвсурен. Он стоял и крыл русским отборным матом всех матерей советских людей. Едва выговаривающий слова по-русски, он по части матерщины, оказалось, не знал равных. Это было время правления Андропова. В магазинах большой дефицит водки, спиртное продавали таксисты. Выяснилось, среди ночи он остановил такси, водитель, взяв деньги на водку, оттолкнул его и уехал. Он даже не успел запомнить номер машины. Увидев такое огорчение сокурсника, я ходил в соседний с нами таксопарк, купил ему бутылку водки. Он так сильно обрадовался, чуть ли не до разрыва сердца. С тех пор, по своей привычке добавлять к любому слову на русском языке букву «а», по-своейски обращался ко мне «моя казаха».

Запомнилось, что Пурэвсурен о своем земляке Юмсурене как-то сказал: «Я его боюсь, он – монгольский КГБ!»

Однажды они вдвоем пошли в гости в Посольство Монголии. Вернулся Пурэвсурен с синяком под глазом.

– Что случилось, кто-то придрался по дороге? – сочувственно спросил я.

– Ничего такого. Подрался с нашим послом.

– Почему?

– В посольстве распили монгольское архи, повздорили. Посол решил меня припугнуть: «Исключу из института, отправлю тебя домой». Я ему: «На, получай» – и ударил его по рылу. А он не остался в долгу, дал мне сдачи. И это здорово, теперь он не сможет меня исключить. Обо всем, что я здесь делаю – пью, гуляю и так далее, Юмсурен доносит послу, – признался Пурэвсурен.

Именно тогда он при напоминании о первом президенте Монголии сказал:

– Идеолог президента Очарбата – казахский ученый Зардыхан Кинаят. Его авторитет в нашей стране очень высокий. На лекции Зардыхана люди записываются заранее. Его лекции проходят в залах, заполненных до отказа.

Позже ставший обладателем самых что ни есть высоких в Монгольской Народной республике наград, Пурэвсурен в Москве стал закадычным другом Рамазана Токтарова.

ПЕСНЯ «КАРАТОРГАЙ»

Хотя мне, как говорят наши северные соседи, медведь на ухо наступил, я повез в Москву домбру, сделанную собственными руками писателем Жаркен-ага Кабышевым. Ею с удовольствием пользовались выросший в Шымкенте карачаевский писатель Билял Аппаев и наш Рамазан Токтаров.

Как-то в Москву приехал поэт Кайрат Саурбекович Бакбергенов. Он остановился в соседней с нами гостинице Союза писателей. Вечером мы с ним пили кофе, обмениваясь московскими и алма-атинскими новостями, когда в гостиничную столовую вошел высокий, плечистый, с волнистыми волосами, приятной внешности человек и посмотрел на нас. Если бы не чуть-чуть узковатые глаза, то во всем остальном по внешности он был похож на Олжаса Сулейменова.

– Что за казах? – поинтересовался я.

– Он не казах, а бурят. Это мой сосед по комнате, – объяснил Кайрат. И пригласил его сесть рядом с нами.

Это был драматург Владимир Осипов. Во время трапезы я необдуманно ска-
знул, что он больше похож на казаха, чем на бурята.

Через некоторое время, глядя на меня, наш гость рассказал:

– Вы не ошиблись. Мой отец – казах. Он не вернулся с войны. Мать, бурятка по национальности, умерла, когда мне было двенадцать лет. Я вырос в детском доме. Поэтому по документам у меня русская фамилия, национальность – бурят. Слышал как-то, что в Алма-Ате у отца остались родственники. Моя единственная сестра искала и вроде даже нашла их. Но я их не знаю. Я вырос вместе со знаменитым русским драматургом Александром Вампиловым, под его влиянием начал писать драму, так превратился в русского литератора. Но в душе мечтал познакомиться с казахскими писателями и сегодня радуюсь такой возможности, – сказал Владимир.

Я тут же, как говорится, взял инициативу на себя.

– Тогда я вас познакомлю с настоящим казахским романистом, пойдемте к нам в гости, – предложил я.

В те годы в Алма-Ате трудно было найти мясо, а на московских прилавках оно лежало в свободной продаже. К тому же здесь мясо было очень дешевое. Иди и закупай. Иногда, бывало, из Москвы везли мясо домой, за четыре часа полета оно не успевало оттаять.

Так, из соседнего обычного московского магазина купили мясо, накрыли в нашей комнате дастархан. Посадив на почетное место Владимира Осипова, представил ему Рамазана Токтарова. Они сразу же нашли общий язык. Спустя некоторое время Рамазан взял в руки домбру и своим прекрасным голосом за-
тянул замечательные песни Сарыарки.

– Володя, ты по внешности среди казахов должен быть каракесеком. Если будешь с нами чаще общаться, снова станешь казахом, – говорит Рамазан.

– Нет, меня уже трудно превратить в казаха. Слишком застоялась моя изначально степная кровь, – ответил ему Владимир Осипов.

Особенно ему понравилась песня «Караторгай». По его просьбе Токтар не-
сколько раз спел эту песню. Мы душевно посидели, поздно легли спать. На свободном диване я постелил гостю постель.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ХЛОПОТЫ

Недавно город Кереку отмечал 70-летний юбилей Рамазана Токтарова. Земляки писателя провели ряд торжественных вечеров и интересных встреч.

На одной из них поделился своими воспоминаниями: «Я не смог участвовать на шестидесятилетнем юбилее своего сокурсника Рамазана Токтарова, поскольку находился за рубежом. А на юбилейном вечере, посвященном его пятидесятилетию, будучи тамадой, конец торжества превратил в драку».

Получилось так. Наш Высший литературный курс к юбилею Рамазана Ток-
тарова выпустил «несгораемую» стенную газету (обычную бумагу наклеили на асбестовый лист). Там был изображен сидящий за пишущей машинкой полуголый

Токтаров, в тубетейке и трусах. Рядом стихи сокурсников, посвященные юбиляру, путевые записки «Поездка в Найманстан» Александра Родионова о том, как мы – Саша, Рамазан и я – побывали в сакральных местах Восточного Казахстана. А также другие материалы о творчестве писателя.

Кулмаш-женгей, специально приехавшая из Алма-Аты, и дочь юбиляра Бахыт Токтарова, студентка Литературного института, накрыли богатый дастархан. Сорок писателей на своих языках пели замечательные песни. Вечер получился праздничным, веселым, запоминающимся. Ребята, что называется, гуляли от души. И никто не ожидал другого поворота события.

Секретарь парткома нашего курса – ставропольский прозаик Владимир Кожевников был хитрован еще тот. Мог сутками быть в запое, не посещая занятий, отлеживался в общежитии. Среди нас были ребята, которые всегда готовы пропустить рюмку-другую увеселительного напитка, поэтому наш выбор пал на Кожевникова. Поскольку он был не дурак выпить, мы могли быть спокойными за наши отношения с Бахусом. И после проведенной на курсе целенаправленной агитации Кожевникова избрали секретарем парткома. Он частенько так бил себя в грудь, ссылаясь на своего земляка Горбачева, что, казалось, иной раз своим «партийным» кулаком мог проломить ее. В этот раз наш парторг привел на юбилей Токтара своего земляка – военнослужащего. Во время перерыва майор наткнулся на меня.

– Твое имя труднопроизносимое, поэтому будешь Олегом, – заявил он беспардонно.

Я оскорбился. Он, несмотря на мое недовольство, начал называть меня Олегом. Я стал злиться:

– Если будешь впредь по-русски исказить мое имя, то получишь в рыло. Не можешь произнести имя «Улугбек», не произноси! – предупредил его, поскрипывая зубами, как Токаш-ага Бердинияров.

Не ожидавший от меня такой прыти, майор удивленно глянул и пошел дальше.

К этому времени я больше года занимался восточным единоборством кунг-фу. И надо сказать, мой кулак достиг способности одним ударом в челюсть повалить противника. Именно в то время мой сверстник, любящий пошутить поэт Конысбай Абилов, ответил интересующемуся моей родословной: «Среди каратэ Улугбек из рода кунпу».

Моим тренером был томский поэт Михаил Андреев, автор слов популярной песни «Тополиный пух». Закоренелый холостяк, всю жизнь посвятивший поэзии и спорту. Я познакомился с ним за много лет до моей учебы в Москве. Поскольку теперь мы учились вместе, старый друг тренировал меня ежедневно. Он же, в свою очередь, оказывается, еще в детстве обучался этому искусству у китайского мастера восточных единоборств. Михаил обладал черным поясом, был великолепным бойцом. Мог, образно говоря, в прыжке достать ногой до Луны. Он два раза в неделю ездил на Переделкинскую лесную спортивную базу, где тренировался с известными мастерами кунг-фу.

«У тебя дыхание хорошее, и мне нет дела до твоих сигарет, но не употребляй спиртного. Ты ведь поэт, человек эмоций, можешь с кем-то подраться. Кто освоил искусство кунг-фу, тот не смотрит прямо в лицо человека, должен избегать возможных стычек, приводящих к драке», – учил он. Однако я не полностью освоил

его учение, нет-нет, но иногда был не против пропустить рюмку-другую для поднятия духа. Если все окружение хмельное, как тут удержишься?

Застолье завершилось, но веселье продолжалось. Коридор общежития тут же превратился в танцплощадку. Вдруг слышу истошный голос друга – Александра Родионова: «Улугбек, на помощь!» Смотрю, в углу коридора несколько человек напали на Сашу. Между головами и руками неизвестных людей развеваются его рыжие космы, но он пока не уступает. Уроженец Алтая, работавший геологом силен как сибирский медведь. «Мы – земляки», – говорил он всем, не скрывая своей симпатии ко мне. Прибежав, я стал разнимать дерущихся. При этом не избежал тумачков. Кто-то из них нанес мне пару ударов. Тогда и сказались плоды моих полугодовых тренировок. Несколько напавших на меня драчунов лежали на полу с вывихнутыми руками, ушибленными ногами. Среди них оказался «любимый» мной майор и земляк Горбачева. Кулачные страсти утихли только с приходом Кулмаш-женгей. Она справилась с непростой ролью миротворца. Затем юбилейное застолье обрело «секционный» характер, поскольку его участники продолжили торжество в комнатах общежития.

Наутро мы с Сашей тихо-мирно попивали чай, как вдруг в комнату ворвался ответственный представитель СП Казахстана в Союзе писателей СССР Роллан Сейсенбаев. Его и без того большие глаза расширились как лиманы во время паводков. Он не стал терять времени на любезности:

– Идиоты, что вы натворили?! – вот так с ходу он «приветствовал» нас.

– Ничего, почему вас не было с нами?

– Твой брат-идиот не приглашал меня! Сегодня спозаранку позвонили из ректората Литературного института: «Что, мол, за традиции? Твой один казах проводит юбилей, а другой казах избивает всех гостей! Ты, конечно, об этом в неведении. Поступила на тебя жалоба. Среди пострадавших и секретарь парткома курса, и его гость, майор Советской армии. Сходи, разберись. Поднимается большая буча. Ситуация сложная, будет проработка».

Мы попытались объяснить случившееся в безобидных тонах. И в силу желания Роллана-ага помочь нам это удалось. Он пообещал переговорить с ректоратом.

Наш курс раскололся надвое. Некоторые сокурсники избегали общения с нами. Именно в такой атмосфере противостояния меня, беспартийного, вскоре пригласили на партийное собрание курса. Пригласили – сильно сказано, поскольку на повестке дня был один-единственный вопрос: «Заслушать о поведении Улугбека Есдаулетова, исключить из Литинститута». На собрании присутствовал проректор – известный поэт Владимир Сорокин. Большинство моих русских сокурсников, проучившихся со мной полтора года, один за другим стали обвинять меня. Я с горечью вспомнил поговорку «Если друг русский, носи с собой топор». Меня поддержали только Саша Родионов, Фильдрус Камалов, кыргызский поэт Асан Жакшылыков и малкарский (балкарский) поэт Абдуллах Бегиев. Рамазан Токтаров в это время находился в Алма-Ате, продолжая юбилейные мероприятия. Поскольку главным обвинителем и потерпевшим был сам секретарь парткома, многие молчали. Помалкивали, если выразиться грубее, но точнее. Вначале я не придавал случившемуся на юбилейном вечере серьезного значения.

Из всего происходящего на собрании я вынес одно. Большинство присутствующих было возмущено тем, что какой-то инородец – молодой казах оскорбил их великодержавное имперское чувство. Как у него хватило смелости избить уважае-

мых русских мужчин? К тому же не одного, а нескольких? Не будучи партийным, поднял руку на честных коммунистов? И это произошло не где-нибудь на отшибе, а в самом центре Москвы? Какая наглость!

Дело обрелось плохой оборот. Нависшую угрозу я почувствовал по-настоящему в один миг. Попытался внутренне успокоить себя: «И Олжас Сулейменов, и Мукагали Макатаев ушли отсюда, не окончив учебу. Но они от этого не стали слабее и хуже. Только стыдно от того, что будут говорить, мол, не осилил учебу. С каким лицом вернуться домой?»

Когда дело дошло до голосования, Александр Родионов вскочил с места:

– Если намерены исключить из Литинститута поэта Есдаулетова, то заодно исключите и меня. Он до этого никого не обижал. Ибо добрый и отзывчивый человек. Все началось с меня. Я вовлек его в эту историю. Если бы не крикнул «Улугбек, помоги!», то он не полез бы в драку. Поэтому вы должны исключить меня, а не его. Если пострадает за это только он, то, в знак протеста против несправедливого решения партийного собрания, откажусь учиться в этом заведении! – так Саша, выступив несколько раз, упорно продолжал отстаивать меня.

Из плеяды настоящих сибиряков, земляк Василия Шукшина, он не мог поступить по-другому. Неспроста многие живые классики, авторитетные московские литераторы, руководство Союза писателей считались с ним, прислушивались к мнению Александра Родионова. После такого выступления уважающие его и пресмыкающиеся перед ним русские сокурсники стали помягче в своих «убеждениях» и высказываниях. Шовинистический пыл потихоньку спал. И в это время слово взял проректор Владимир Сорокин, до этого молча наблюдавший за бушевавшими в зале страстями. Он был лаконичен и тверд в своем убеждении: «Нельзя прощать рукоприкладство, более того, оправдывать подобный проступок. Но разве нельзя простить, учитывая его верность дружбе, за мужской честный поступок? Я предлагаю ограничиться строгим выговором, а учебу пусть парень продолжит». И такое решение было запротоколировано.

Позже проректор пригласил меня и долго со мной беседовал. В конце встречи предложил: «Не будем прерывать связи. Если есть у тебя на виду даровитый поэт-писатель, желающий учиться у нас, то напиши письмо или позвони. Мы его примем как своего коллегу вне квотных требований. Для талантливых найдем возможности». Так мы с ним расстались друзьями. Я выполнил его пожелание. К примеру, Габиден Кулахметов был принят на высшие курсы литераторов таким образом.

Писатель Александр Родионов ныне живет в Барнауле. Он лауреат ряда престижных премий, таких как имени Демидова, Шукшина. Пять лет назад приехал в Семей на Абаевские дни, организованные Ролланом Сейсенбаевым. Мне подарил свой новый исторический роман «Азь грешный» о первом генерал-губернаторе Сибири Матвее Гагарине, повешенном по велению Петра Первого (называемого нами великим, а турками – бешеным) за его борьбу против имперской колониальной кровопролитной политики. Автор оставил автограф следующего содержания: «Я рад нашей встрече на твоей земле. Настало время проложить мост Астана – Барнаул. Не забывай, что у тебя есть друг на Алтае!» На форзаце книги моего друга размещена карта Казахской орды тех лет. На той встрече мы с грустью вспомнили Рамазана Токтарова.

Прощаясь, Саша сказал:

– Улугбек, работая над этой трилогией, я порядком порывлся в архивах. В нашем Барнаульском архиве видел столько документов и материалов, связанных с казахской историей, что диву даешься. В пыли лежат целые связки, многие тома важных сведений, и к ним до сих пор не прикоснулись пальцы казахских ученых. Ни одной отметки с фамилией ваших исследователей я не видел. Если есть желающие больше узнать о своей истории, то направь ко мне. Я напрямую поведу их к этой поистине кладези.

Вот что значит друг! Находясь в Сибири, русский человек озабочен казахской историей. Помню, несколькими годами ранее он запросил у меня труды академика Алкея Маргулана.

Недавно о предложении Родионова рассказал нашему главному историку Мамбегу Койгельдиеву, тот так обрадовался, будто нашел голову Кенесары-хана. Даст Бог, летом отправимся в Сибирь к Саше. Жаль, без Рамзая...

РОЖДЕННЫЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

– Ты читал статью в сегодняшнем номере газеты «Қазақ әдебиеті»? – спросил Жараскан Абдрашев, пришедший ко мне в общежитие. Рядом с ним были Шомишбай Сариев и Ибрагим Исаев.

– Что за статья?

Он уточнил название материала, и стало ясно, что я не читал.

Рассевшись за студенческим дастарханом, мы продолжили разговор.

– Старшие утверждают: «В отечественной поэзии нет молодого поколения. Где оно?» Мы должны сказать: «Есть молодое поколение! Это – мы!» Мы должны обосновать нашу позицию и конкретно заявить об этом, – сказали гости.

– Где мы скажем об этом? – поинтересовался я.

– Эй, вот что значит «детскость»! Нет надобности куда-то идти, кричать об этом. Достаточно и того, если мы будем держаться вместе перед стариками. На вечерах мы все должны читать стихи. О своем поколении регулярно писать в газетах и журналах, публиковать свои стихи, нужно показывать себя. В Алматы, кроме нас четверых, есть Кеншилик Мырзабеков и Куляш Ахметова, в Кызылорде – Иранбек Оразбаев, в Жамбыле – Тынышбай Рахимов, в Мангыстау – Темирхан Медетбеков, в Талдыкоргане – Жуматай Жакыпбаев, в Шымкенте – Турсынай Оразбаева. Если все объединимся, то мы – большая сила, целое сообщество! Тех, что утверждают: «Нет нового поколения в поэзии!», можем заставить замолчать. Где Ерлан Багаев? Говорили, что он перевелся из Москвы?

– После смерти отца он вернулся в Алматы. Учится на химфаке. Наверное, сегодня дома.

– Зови Ерлана, отныне мы, как одно поколение, должны ходить вместе. Тогда будет сразу заметно. Если каждый из нас будет сам по себе, то нас никто и не заметит. Три дня мы трое советовались и решили вас с Ерланом Багаевым добавить в наше сообщество. Я придумал ему такое название – «Рожденные после войны». Кто против? – произнес Жараскан.

– Правильно, однако... – начал было я.

– Скажи, как перед Богом. «Рожденные после войны» – разве не звучит мощно? Как?

– «Рожденные после войны» – здорово. Однако...

– Или ты против?

– Нет, я поддерживаю. Но мы с Ерланом появились на свет во время освоения целины. Где война и где мы? Мы, наверное, относимся к поколению людей, рожденных в годы освоения целины, – поделился я своими сомнениями.

– Хотя вы на шесть-семь лет моложе нас, но вы раньше своих сверстников заявили о себе, в литературу пришли почти одновременно с нами. Поэтому и вы двое, и мы относимся к одному поколению. А разве твоя целина освоена-распахана не после войны? Словом, решено. Обсуждение завершено. Не тяни время, позвони Ерлану. Поехали в «Каламгер», – подытожил Жараскан.

С тех пор «Каламгер» стал нашим ежедневным местом сбора. После занятий я напрямик шел туда. Нас стали узнавать как представителей поколения людей, «рожденных после войны». Жараскан одну из своих книг так и назвал «Рожденные после войны».

МИЛИЦИЮ ВЫЗЫВАЛИ?

В сквере на старой площади Алматы, где стоит памятник Алие и Маншук, ближе к улице Панфилова в небольшом пруду плавали лебеди. На берегу водоема находилось кафе «Акку». Ныне молодые, конечно, об этом могут и не знать.

Мы с Жарасканом сидели там. На улице – сильная послеобеденная жара, а здесь прохладно, свежий ветерок. Благодать.

Жараскан со смешинкой в глазах начал свой рассказ:

– Как-то в прошлые годы в ожидании двух своих друзей сидел именно за этим столом. Неожиданно, словно джинн, появился Есенгали. Приехал из Джизака. В хорошем подпитии, он стал придирааться, цепляться за слова. Я не понял, чем ему не угодил. За словами не следит, ругается – он стал нервировать меня. Несколько раз больно ткнул кулаком. Броситься в драку – бесполезно, я слабее его, могу на ровном месте получить тумачков. До этого слышал, как они с Аманханом побили Рафаэля Ниязбекова. Чувствую, что у Есенгали чешутся кулаки, хочет меня побить. Рядом с Есенгали был незнакомый мне подвыпивший человек, который не без труда усадил его за другой стол. Через некоторое время они шумно стали пить пиво.

Сижу, мучаясь от бессилия, обидно за его грубые слова, тычки и матерщину. Одним из уважаемых мной людей был поэт Едил Демеукулов, переехавший из Каракалпакстана. Он работал в милиции, причем в серьезном правоохранительном подразделении, что на улице Попова – в вытрезвителе. Неподалеку я увидел телефон-автомат. Захлестнутый волной обиды, позвонил Едилю. Он находился на службе. «Так и так. Сижу в кафе “Акку”. Двое пьяных пристают, лезут ко мне с кулаками, не успокаиваются. Приезжайте, заберите их в вытрезвитель». Сам сижу, тяну пиво. Вскоре в тени деревьев появился Едил. Я ему незаметно указал на стол Есенгали. Тут же появились несколько милиционеров и скрутили им руки. «Я им покажу, как придирааться», – успокоил я себя. Попили с Едилем пиво. Довольный, я вернулся домой. Однако все оказалось напрасно...

Мой сладкий предрасветный сон прервал резкий звонок в дверь. Я испуганно вскочил с постели. Женгей твоя, подойдя к двери, сказала удивленно: «Твой братишка, поэт Шакизада. Рядом милиционер...»

– Спаси, ага, от этой напасти, – взмолился Шакизада.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Вчера Есенгали приехал из аула, пригласил в «Акку». Сидели, пили пиво, вдруг ни с того ни с сего появилась группа милиционеров и скрутила нам руки. И повезли напрямиком в вытрезвитель.

– И Есенгали тоже?

– Нет, Есенгали в это время был в туалете. Эти схватили меня и еще незнакомого парня. Всю ночь били нас, как собак. Теперь я должен еще заплатить 30 рублей штрафа, иначе они меня не выпустят. Паспорт мой у них на руках. Отдайте им 30 рублей, освободите меня, ага, – взмолился братишка.

Делать нечего, у Назик пришлось вымолить эту сумму и освободить братишку из рук карателей, – закончил свой рассказ Жараскан Абдрашев.

«Я, ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ, ДОВЕРЯЮ...»

В 1983 году я поступил на двухгодичные Высшие курсы Литературного института имени М. Горького в Москве. Через пару месяцев учебы мой сокурсник Павел Калина сообщил:

– Тебя ищет редакция журнала «Литературная учеба». Причитается вполне приличный гонорар. Почему не получаешь?

Перед приездом в Москву в этом журнале был опубликован цикл моих стихов на русском языке. Давно известно, что деньги никогда не были лишними для студентов всех времен и народов. Вдвойне они нужны были мне, студенту-поэту, имеющему семью в другом городе. «Надо быстрее получить гонорар, – мелькнула мысль в голове, – затем на несколько дней съездить в Алма-Ату».

Если смотреть провинциальным взглядом, то Москва – гигантский муравейник, пристанище шайтанов, где всё в непрерывном движении. Узнав, что нужная мне редакция находится неподалеку, я решил пешком добраться до нее. Но не тут-то было: натерев мозоли на ногах, уставший, вернулся ни с чем. Через недельку я вновь вышел на поиск, уже зная точный адрес редакции, ближайшую к ней станцию метро, имея на руках нарисованную от руки схему улиц и перекрестков. Хотя и нашел редакцию, но все оказалось напрасным.

В бухгалтерии сообщили, что 150 рублей моих кровных двумя днями ранее отправили в Алма-Ату на адрес Союза писателей Казахстана. «Гонорар надо получать вовремя», – напомнили мне в бухгалтерии издания.

В один из дней, получив стипендию, я рванул в Алма-Ату. Обрадовался, увидев своих детей, близких и родных. Оказывается, соскучился и по друзьям своим.

Не засиживаясь по привычке в «Каламгере», начал поиск своего московского гонорара. Ведь 150 рублей в то время были солидными деньгами. Это полноценный месячный оклад служащего, редактора издательства. Для сравнения: стоимость авиабилета по маршруту Алма-Ата – Москва составляла 62 рубля.

В то время при входе в Дом Союза писателей на специальном столике лежало множество писем, уведомлений о денежных переводах из разных уголков страны. Наши литераторы, найдя среди них послания, адресованные им, радовались и тут же обмывали свою радость. Наряду с этим некоторые газеты и журналы, издательства, опубликовав переведенные на другие языки произведения казахских

классиков, уведомление о причитающихся гонорарах также присылали в Союз писателей. Нередко здесь можно было увидеть уведомление о денежном переводе на имя покойного писателя. Помню свое изумление, когда увидел такое уведомление на имя Сабита Муканова лет десять спустя после его смерти.

На заветном столике не нашел адресованного мне московского уведомления. Но нашлись те, кто видел его. Девушки в канцелярии Союза писателей сообщили, что извещение поступило, но по происшествию нескольких недель его унес Жараскан Абдрашев.

С Жараскан-ага я увиделся в тот же день. Оба обрадовались встрече.

– Жаке, – сказал я, – ты, оказывается, забрал извещение на мое имя, верни его.

– Какое извещение? – переспросил он.

Я рассказал о своем поиске гонорара из журнала «Литературная учеба», который привел меня прямехонько к нему. Жаке не стал отнекиваться:

– Э, ты спрашиваешь о ничтожных мелочах?

– Какая мелочь? Приличная сумма... Целых сто пятьдесят рублей...

– Да пустяки. Сто пятьдесят рублей... Да это разве деньги? Из-за них вести разговор...

– Жаке, это для тебя не деньги, а для студента... к тому же обучающегося в другом городе... имеющего детишек...

– Перестань плакаться, причитать. Достаточно тебе и других гонораров. А теперь забудь об этих деньгах, – отрезал он.

– Как?

– Очень просто, элементарно...

– Как элементарно? Как на почте выдали вам деньги? Извещение-то на мое имя?

– Какая наивность! Ребенок есть ребенок! Даже этого не знает. От твоего имени написали доверенность, нарисовали твою подпись, подтвердили печатью Союза писателей, на почте получили деньги. Затем в кафе широко отметили. Не кто-то другой, а мы, твои друзья, пили за твое здоровье, за твои стихи, за твою семью. В тот день у тебя в ушах не шумело?

– Так... И что теперь...

– Сказал же, оставь эту тему! Не ты один такой... Мы с Шомишбаем сколько раз так же получали деньги, в том числе и за Турсынай из Шымкента, Темирхана Медетбекова из Мангыстау, и пропили их. Сколько было таких гонораров с разных краев! Кстати, Темирхан сам дал согласие, сказал: «Получайте за меня». Это, по сути, эквивалент той водки, которой бы он угощал нас в Мангыстау или же, если бы прилетел в Алма-Ату, затратил бы столько же денег на нас. Словом, расчет два в одном. Издания и издательства других стран и республик не всегда имеют точные адреса наших авторов. Поэтому извещения на почтовые переводы здесь лежат подолгу, никто их не ищет. Если не забрать вовремя, то их отправят обратно. Так попусту пропадает труд наших коллег. Мы же обращаем эти средства в общую пользу. Что говорить об этих пустяках? Однажды мы с Шомишбаем получили гонорары за самого Джамбула, похороненного задолго до твоего рождения. Пусть земля будет ему пухом! Да пребудет он в раю!

– Как он будет довольный пребывать в раю, если ты истратил его деньги?

– Так мы сколько раз произносили тосты за высокочтимого нами Джабул-ата!

Как он будет не доволен? Допускаю, что он на том свете на радостях перекатился на другой бок. Зачем ему теперь гонорар?

– Интересно, – удивился я. – Ладно, мы с Темирханом живы, а как вы умудрились получить деньги за усопшего сорок лет тому назад?

– Проще простого... Дело было так. За стихи в сборнике, вышедшем в Прибалтике, Джамбулу Джабаеву начислили деньги. Эстонский бухгалтер, не зная, что наш Жаке покойник, переслал гонорар в Алма-Ату, в Союз писателей. Пожелтевшее извещение долго лежало на столе, как бы поддразнивая нас. Никого оно не интересовало. Однажды утром нам с Шомишбаем оказалось нечем опохмелиться, в карманах ни копейки. Обшарили заветный столик, надеясь, что откуда-то нам прислали гонорары. Ничего нет. Извещение на имя знаменитого акына пуще прежнего дразнило наши затуманенные взгляды. И вдруг в наши больные головы пришла подходящая мысль. Я написал доверенность. На русском языке. На главпочтамте, если не напишешь на русском языке, то не выдадут. Ведь дело связано с деньгами. Все это очень ответственно. И вот что написал: «Так-то так. Доверенность... Я, Джамбул Джабаев, доверяю причитающуюся мне сумму столько-то рублей получить Джарасхану Абдрашеву, номер паспорта такой, серия такая...» Затем «доверенность» скрепил размашистой подписью за Джамбула-ата. На ее уголке Шомишбай написал резолюцию «Разрешаю». Эту бумагу мы понесли к девушкам бухгалтерии Союза писателей, они поставили печать. Им, естественно, купили шоколад или шампанское. Все! На почте сидят полуграмотные женщины. Они уверены, что Джамбул жив и здоров по сей день. Если бы знали правду, то они такое бы не позволили. Так мы пропили гонорар самого Джамбула, названного Гомером двадцатого века. Это великий Джамбул, в рот которому заглядывали сам Сталин, весь прогрессивный мир! Он посвятил свое знаменитое воззвание ленинградцам, а мы его алма-атинские дети!.. По сравнению с Джамбулом что твои-то проблемы? Так себе... Чепуха на постном масле. Если бы ты «обмыл» свою дорогу, пригласив в ресторан меня с Шомишбаем, то столько же денег потратил. Возможно, даже больше, чем твой злополучный гонорар. Разве не так? – похлопал он меня по плечу.

Я кивал головой, не заметив, когда успел согласиться с его доводами. Жараскан не стал ждать, когда я приду в себя.

– Пойдем в «Каламгер», я лично «обмою» твой приезд, – предложил он, белозубо смеясь. Этот смех всегда был ему к лицу.

В «Каламгере» мы застали вальяжно отдыхающего Шомишбая. В этот час на свете не было поэта лучшего него. Он был хорош, по-настоящему в ударе. Нас встретил с распростертыми объятиями, начал целовать. После чего потребовал, чтобы мы расцеловали его.

На столе стоял дорогой коньяк «Белый аист». На чей гонорар он был куплен, было известно лишь одному Богу.

ВЫНУЖДЕННОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

В начале сороковых годов композитор Ахмет Жубанов, проезжая на своей «Победе» мимо приземистого дома, частенько видел мальчика-левшу, сидевшего на валявшемся во дворе бревне и игравшего на домбре. Поскольку эта картина всякий раз по пути на работу и обратно занимала мысли композитора, однажды он

попросил шофера свернуть к этому дому. Удобно сидевший на мягкой коре сосны, словно на добротном чепраке, худенький мальчик с большими оттопыренными ушами, увидев незнакомого мужчину, спрыгнул с толстого бревна и почтительно приветствовал незнакомца. Не по-детски уверенно смотрел он в глаза солидному человеку, в глубине его зрачков светились искорки любопытства.

– Как зовут тебя?

– Нургиса.

– Ты левша?

– Да.

– Ну-ка, сыграй один кюй.

Мальчик сыграл, уверенно перебирая струны быстрыми пальцами.

– Чей этот кюй?

– Отца.

– Как зовут его?

– Гленды.

– Где он?

– Умер. Свои кюи завещал мне.

– Какие еще кюи знаешь?

Мальчик не осекся, продолжил. Мятая мелодия лилась из-под его рук, заполняя собой все пространство вокруг.

– Знаешь нотную грамоту?

Нургиса покачал головой, цокнув языком.

– У тебя есть способности, дорогой. Тебе нужны знания. Тогда тебя узнает весь мир. Хочешь учиться?

У подростка загорелись глаза.

– Сколько тебе лет?

– Скоро будет четырнадцать.

– Ты, оказывается, уже джигит. Слышал такое: «В тринадцать лет – глава семьи»?

У «джигита» засверкали глаза, пуще прежнего оттопырились уши. Он тут же притулил домбру к бревну и засмеялся. В нем чувствовалась раскованность без сиротской ущербности. Ахмету понравились и руки, и в целом облик левши.

– Кто дома? – спросил композитор.

– Мать.

Ведомый подростком композитор вошел в дом, представился хозяйке, затем сказал:

– Ваш сын избрал путь отца. Он очень способный. Да хранит Аллах его от завистливых глаз. Прослушал я его игру. Есть у него большое будущее. Хотел бы, чтобы он учился. Парня своего отпустите под мое крыло. Поступит он на учебу. Есть большая школа, обучающая таких кюйши-музыкантов, творческую молодежь. Консерваторией называется. Однако Нургисе не хватает трех лет для поступления. Туда принимают с 17 лет. Вы поезжайте в сельский совет, выпишите свидетельство о рождении, по которому ваш мальчик должен быть на три года старше. Это моя просьба, остальное беру на себя. Главное – поверьте мне.

От таких слов интеллигентного человека о ее единственной надежде и отраде – сыне, так похожем на своего любившего искусство и не выпускавшего из рук домбру отца, замороженная и благодарная мать от радости прослезилась.

...Вскоре Нургиса Тлендиев поступает в Алма-Атинскую консерваторию. У парня начинаются и трудные, и радостные дни учебы.

Но в мирную жизнь врывается страшное слово «война». В строю срочно мобилизованных на фронт оказывается еще не успевший окрепнуть, но по документам обязанный с оружием в руках защищать Родину четырнадцатилетний Нургиса. Попытки Ахмета Жубанова, связанные с уточнением точного (явного) возраста парня, не увенчались успехом. Все осталось так, как написано в документах.

Вся в слезах осталась умоляющая Аллаха мать, не знал, куда себя деть раскаявшийся от такого поворота в судьбе парнишки композитор. Оба чувствовали себя виновными за то, что добавили годы к его возрасту. Хотели лучше, получилось наоборот. Особенно мучился композитор, видя похоронки на погибших на поле брани сильных мужчин. «Ведь на мне грех за судьбу несовершеннолетнего парнишки», – мучился композитор. Он просил у Аллаха, чтобы Нургиса вернулся с фронта.

Бог, похоже, проникся мольбами матери и Ахмета Жубанова. Без единой царапинки на теле, с победой возвратился с фронта возмужавший парень. Вернувшись в лоно вечно живого искусства, он продолжил прерванную учебу в консерватории.

Откуда нам знать, кто отвел бесчисленные вражеские пули от талантливого самородка Нургисы Тлендиева? Возможно, духи его предков-кюйши? Может быть, мольбы его наставника композитора или мятежный мощный дух великого кюйши?

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ, ИЛИ МОСКОВСКИЙ ПРООБРАЗ АЛИИ

Однажды перед моей поездкой на Украину автор сценария художественного фильма об Алие Молдагуловой – «Снайперы», ветеран-журналист, мой сосед, ныне покойный Сеилхан Аскарлов, вручая мне свою объемную книгу о Баубеке Булкышеве, попросил: «Если доведется тебе быть в Софиевском районе Днепропетровской области, то вручи ее школьному музею».

Повезло, появилась такая возможность. Сказав об этом руководителю делегации У. Жанибекову, мы изменили программу поездки в Кривой Рог. Вместе с поэтами Т. Медетбеком и К. Ахметовой мы возложили цветы на могилу Баубека Булкышева, перед стихийно собравшимися прочитали стихи. Видели слезы на глазах седых матерей. Узнали о том, что прогалину, где Баубек подорвался на mine, называют поляной Булкышева. В местный музей, где есть уголок Баубека, передали книгу Сеилхана Аскарлова. Мы были тронуты столь уважительным отношением украинцев к памяти погибшего казахского воина, храброго и достойного человека.

В прошлом году в Москве прошел первый в ее истории айтыс, несколько его участников посетили школу № 891 имени Алии Молдагуловой. Мы были приятно удивлены культуре общения учащихся, очень вежливо, уважительно приветствовавших нас. В музее Алии увидели крупный скульптурный бюст героини, портреты, небольшой образец юрты, художественный альбом о Казахстане, несколько книг, вырезки из газет, а также другие экспонаты.

Мы не могли не обратить внимания на слова директора школы Анны Владимировны Коркиной и ее заместителя по воспитательной работе Натальи Михайловны Ракитянской. Они во время беседы обмолвились:

– В нашей школе обитает дух Алии Молдагуловой! – сказали они одновременно.

– Дух?

– Да, дух ее, настоящий. Фантом Алии Молдагуловой время от времени появляется в нашей школе в военной форме!

– ???

Я остался стоять с раскрытым ртом...

– Не верите? У нас есть и учителя, и ученики, по несколько раз видевшие призрак Алии. Это может подтвердить и девушка-практикант из Туркестанского университета, приехавшая к нам на практику из Казахстана. Так как у студентки не хватило денег на проживание в гостинице, мы устроили ее в музей, где сейчас находимся. Однажды эта девушка сидела за чтением книги, вдруг заходит Алиа в серой гимнастерке, постояла, постояла, повернулась и вышла.

– Девушка не испугалась?

– Не испугалась. От Алии веяло лучезарной, теплой силой.

– Вы сами, дети не боятся?

– Чего бояться? Это добрый призрак. Более того, мы радуемся присутствию духа героини в нашей школе. Для детей имя Молдагуловой святое. Заметили, у нас не знают, что такое нарушение школьной дисциплины. Дух Алии однажды уберег школу от пожара. В лаборатории произошло возгорание от электрической сети, оно не усилилось, а само погасло. Мы это объяснили учащимся присутствием духа Алии. Поэтому и мы, и учащиеся преклоняемся перед памятью героини, гордимся тем, что учимся и работаем в школе ее имени...

Удивительная история. Не знал, верить или не верить услышанному. Рассказавшие эту историю руководители московской школы – две учительницы – были очень искренни и убедительны. Можно ли верить в призрака?

Отец рассказывал: «Однажды накануне атаки перед рассветом я проснулся. С другого конца большого сарая, где мы ночевали, шел густобородый, в черном одеянии человек, проходя мимо спящих солдат, разговаривал сам с собой. Я прислушался: “Этот погибнет, тот останется жив, этот погибнет, этот останется жив”. И вот он приблизился ко мне. Показывая пальцем на моего спящего соседа, проронил: “Этот умрет”, затем направился ко мне. Я перепугался, сбилось дыхание. Черный человек, показав на меня: “Этот останется жив”, прошел мимо, а указывая на моего соседа, сказал: “Он погибнет”. И пошел дальше, произнося как заклинание: “Этот погибнет, этот останется жив, этот погибнет, этот погибнет, этот останется жив”. Он вышел из дальней открытой двери сарая. Я быстро пришел в себя, желая узнать, кто он такой, выбежал за ним – на улице никого не было. Вокруг стоял густой туман. Черный бородатый человек исчез бесследно.

В тот день мы пошли в наступление, освободили следующий на пути город. Был ожесточенный бой. После битвы пересчитали солдат. Среди погибших оказались и два моих соседа по ночлегу. Хотя и слышал ночью о таком исходе, я не верил... Кто знал? Тот прорицатель в черном одеянии, определивший судьбу моих однополчан, до сих пор остается загадкой. Ведь это было не во сне, а наяву.

поскольку в тот момент я бодрствовал. Однако, когда рассказывал о своем сне, никто не поверил».

Этот рассказ отца не выветривается из памяти.

Р. С. Для желающих установить связь с московской школой имени Алиш Молдагуловой (А. В. Коркина, Н. М. Ракитянская) тел. (8495) 375 99 92.

ЛЕГЕНДА ОБ АБИЛХАЯТЕ

Окончательно состарившийся отец, находясь на смертном одре, позвав единственного сына, дал ему маленький кувшин.

– Сын мой, все мое богатство, что оставляю тебе в наследство, – вот этот кувшин с водой. Эту живительную влагу я еле нашел, потратив на ее поиск всю свою жизнь, перенеся столько трудностей и невзгод, потеряв здоровье. Это абилхаят – живая вода, кто ее выпьет, будет жить вечно, – с трудом произнес он.

– Отец, эту воду выпей сам. Ты ведь болеешь, мучаешься. Мне нужно, чтобы ты был жив-здоров, – ответил сын.

– Я и без того прожил отведенную мне жизнь. И трудности, и радости ее испытал, как каждый смертный. При жизни твоей матери эта вода была мне недоступной. А сейчас, когда покинули эту грешную землю и она, и все мои сверстники, какая мне польза от этой живой воды?.. А ты еще молод, твое будущее впереди, если выпьешь эту живительную влагу, то будешь жить вечно. Не только ты один, вместе с тобой все твое потомство. Возьми, сынок, тебе надо жить. Используй ее разумно, – настаивал отец, сам наотрез отказавшись прикоснуться к воде.

Однажды после похорон отца скорбный сын вынес кувшин на улицу, открыл пробку, наполнил до краев пиалу светлую водою и задумался.

«Правда ли, что это эликсир вечной жизни? Есть ли у меня надобность в вечной жизни?» – с сомнением он посмотрел по сторонам. Все вокруг было серым-серо: горы, камни, песок, небо, травы, деревья. Сурово-серой выдалась в тот год пронизывающая студеная осень. На этой грешной земле будто не было ничего ценного. «И что, я должен в этой серой повседневности, без друзей и близких, одиноко, как собака, жить вечно? Ведь такая жизнь не лучше смерти! И мое потомство должно страдать вечной жизнью? Не выпитую отцом воду почему должен выпить я?» – от таких мыслей он содрогнулся и выплеснул воду вокруг себя. Брызги живой воды попали на ели и сосны. И они навечно остались зелеными.

Перевод Аягана Сандыбая

